

О Пушкинѣ.

I.

Новооткрытыя записи народныхъ пѣсенъ.

Въ двадцати пушкинскимъ записямъ, напечатаннымъ мною въ январьской книгѣ „Русс. Старины“, извлеченнымъ изъ бумагъ П. В. Кирѣевского, присоединяю теперь еще семь, впервые мною опубликованныхъ недавно ¹⁾. Отъ издающаго „новую серію“ „Пѣсенъ собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ“ Общества любителей россійской словесности и отъ редактирующаго это изданіе профессора М. Н. Сперанскаго я получилъ позволеніе опубликовать ихъ, за что приношу глубокую благодарность какъ уважаемому Обществу, такъ и профессору Сперанскому, обнаружившему ихъ въ бумагахъ незабвеннаго собирателя. О всѣхъ ихъ, кромѣ одной: „Ахъ ты, молодость, моя молодость“..., г. Сперанскій упоминаетъ въ своевременно цитированномъ мною предисловіи къ первому выпуску новой серіи. Эти записи особенно важны тѣмъ, что позволяютъ установить до извѣстной степени точно время и мѣсто данныхъ этнографическихъ наблюдений Пушкина и приближаютъ къ разрѣшенію общій вопросъ о территоріальныхъ и хронологическихъ предѣлахъ его занятій народнымъ творчествомъ. Воспроизводятся записи въ томъ порядкѣ, въ какомъ находятся онѣ въ систематизированномъ собраніи Кирѣевского.

¹⁾ „Рѣчь“ 29 января, № 28.

III.

Я вечеръ, вечеръ, добрый молодецъ,
 Вечеръ загулялся,
 Я со любушкой, со своей сударушкой,
 Долго застоялся;
 Я тайнаго ласкова словечка
 Отъ ней дожидался.
 Ничего-то моя сударушка
 Она мнѣ не сказала,
 Только сказала моя сударушка
 Грубое словечко;
 „Ты отстань, отстань, добрый молодецъ,
 „Отстань по охотѣ,—
 „Не отстанешь ты по охотушкѣ,
 „Отстань по неволѣ“.
 Тосковаль-то я, добрый молодецъ,
 Ровно три годочка,
 Что никто, никто по добромъ
 молодцѣ
 Никто не потужить,
 Что ни батюшка, ни матушка,
 Ни жена молодая,
 Что потужить ли, погорюетъ ли
 Красная дѣвица,
 Что названая моя прежняя
 Милая сестрица!

IV.

Уродился я несчастливъ, безталанливъ,
 Приневолили меня, малёшенька женили.
 Молода была жена, я глупенекъ;
 Сталъ я молодцемъ, жена стала старенька.

Полюбилась мнѣ молодка молодая,
 Изсушила мое сердце ретивое.
 Какъ вечеръ меня молодка огорчила,
 Мнѣ несносную насмѣшку насмѣяла:
 „Отступиися, мнѣ сказала, отвѣжися,
 „У тебѣ своя жена, съ ней и цѣлуйся“.
 Во бору ли, во сыромъ ли, стукъ-трескъ:
 Бурлачки сосну подрубливаютъ,
 Подрубливаютъ, поваливаютъ,
 Изъ сыра бора по лугу волокутъ,
 Покрутому бережку покатываютъ,
 Середь лодочки устанавливаютъ,
 Тонкій парусъ навѣшиваютъ,
 Уплываютъ внизъ по Волгѣ по рѣкѣ.
 Вы постоите, добры молодцы, погодите,
 Вы съ собой меня возьмите посадите,
 Разлучите съ опостылой со женою.

V.

Ахъ ты молодость, моя молодость,
 Не видалъ я тебя, когда ты прошла,
 Когда ты прошла, когда миновалась,
 Живучи съ женой не съ корыстною.
 Не продать мнѣ жену, не промѣнять ее,
 Что ни братцу, ни товарищу.

Я пойду ли самъ крутымъ береж-
комъ.

Я найду ль себѣ новыхъ плотнич-
ковъ.

Новыхъ плотничковъ, корабель-
щичковъ,

Я сострою новъ тесовъ корабль
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Тонкихъ, бѣлыхъ, полотняныхъ.

Я спущу корабль на сине море,
Посажу ли жену свою барыню,
Отпущу ли жену въ свою сто-
рону,

А я самъ пойду на круту гору,
Посмотрю ли я на сине море:

А ужь корабль бѣжить — какъ
соколы летить,

А жена-то сидитъ точно барыня.
Ужь я вскрикну ли громкимъ
голосомъ:

— „Воротись, жена моя барыня,
„А мы будемъ жить лучше преж-
няго,

„А я буду любить лучше стараго“.
— „Не обманывай ты, распосты-
лый мужъ:

„Что не грѣть солнцу зимой, про-
тивъ лѣтняго,

„Не свѣтитъ мѣсяцу лѣтомъ про-
тивъ зимняго,

„Не любить тебѣ меня цуще
прежняго“¹⁾.

VI²⁾.

Ужь какъ нонѣшніе люди,
Они молоды, лукавы,

Съ измаленька вороваты;
Не издавши много видятъ,
Не слыхавши много слышатъ.

Какъ сказали про дѣвицу
Напрасную небылицу:

Будто я, красна дѣвица,
Во всю темну ночь не спала,
Въ зеленомъ саду гуляла,

Сладко вишенъе щипала,
(Показалось дѣвкѣ мало)

Виноградомъ забавляла,
На бѣлое блюдо клала,

Въ Итальянскій платъ вязала;

За ворота выходила,

Извощичка нанимала,

Извощичка молодого,

Не женатаго, холостого:

Вези меня поскорѣе,

Чтобы люди не видали,

Сосѣдушки не слыхали,

Мому батюшкѣ не сказали.

Мой батюшко очень грозенъ,

Посадили меня въ темницу:

Ни дверей нѣтъ, ни окошекъ,

Одна труба, да малая.

Ахъ ты, батюшко родимый!

Проруби ты мнѣ окошко

На правую на сторонку,

Куда милый гулять ходитъ,

Добра коня поить водитъ.

¹⁾ Ср. конецъ „Яныша-Королевича“ („Пѣсни Западныхъ Славянъ“):

„Противъ солнышка луна не пригрѣетъ,

„Противъ милой жена не утѣшитъ“.

²⁾ Къ VI-ой записи Кирѣевскій приписалъ вариантъ, встрѣчающійся „въ нѣкоторыхъ пѣсенникахъ“, и замѣчаніе, что конецъ ея (отъ стиха „Мой батюшко очень грозенъ“) — „очевидно изъ другой пѣсни“.

VII.

Долина долинушка,
 Раздолье широкое.
 На той на долинушкѣ
 Ничто не родилося:
 Ни грибки, ни ягодки,
 Ни чѣрна смородина,
 Только уродилася
 Рощина зелѣная.
 Изъ-за той ли рощицы
 Заря занималася,
 Заря занималася,
 Солнце выкаталося.
 Грѣть, грѣть солнушко
 Зимой не по-лѣтнему:
 Любить, любить миленькій,
 Любить не по-прежнему,

Любилъ все обманывалъ,
 Другу подговаривалъ:
 Поди, поди, дѣвица,
 За меня замужъ,
 За меня, за мѣлодца,
 За парня холѣстова.
 Нейду, нейду, дѣвица
 Нейду, не подумаю.
 Кого же мнѣ, дѣвицѣ,
 Полюбить будетъ?
 Полюбить холѣстова,—
 Холѣсть скоро женится;
 Полюбить женатаго,—
 Жена-то разсердится.
 Полюблю я, дѣвушка,
 Солдата гвардейскаго:
 Солдатъ въ походъ пойдетъ,
 Дѣвицу съ собой возьметъ.

Привожу также списокъ „разгульных“ пѣсенъ, составленный, по словамъ Кирѣевскаго, Пушкинымъ ¹⁾. Для чего составилъ Пушкинъ этотъ списокъ, неизвѣстно. Надо думать, онъ хотѣлъ сообщить Кирѣевскому, какія пѣсни были ему извѣстны или имъ собраны, и едва-ли всѣ онѣ понадобились Кирѣевскому. Если сопоставить списокъ, въ который, надо помнить, вошли только пѣсни веселаго содержания, съ тѣми отголосками народнаго пѣсеннаго творчества, которые слышатся въ пушкинской поэзіи, нельзя достаточно надивиться этому бережному и любовному вниманію, съ которымъ относился великій поэтъ къ творчеству народа.

Мучительно завидовавшей Пушкину, недоброжелательно къ нему относившейся Н. М. Языковъ писалъ 16 декабря 1831 г. своему брату Ал—дру Мих—чу: „Пушкинъ говоритъ, что онъ сличилъ донинѣ напечатанныя русскія пѣсни и привелъ ихъ въ порядокъ и сообразность, зане вѣдь онѣ издавались безъ всякаго толку; но онъ, кажется, хвастаетъ ²⁾. Пушкинъ, конечно, не хвасталъ, а вѣроятно не закончилъ этой работы, слѣды которой можно видѣть въ ниже-

¹⁾ М. Н. Сперанскій „П. В. Кирѣевскій и его собраніе пѣсенъ“ (вступительная статья къ „новой серіи“, вып. I, стр. LXXI).—Повтореніе въ списокѣ нѣкоторыхъ заглавій указываетъ, можетъ быть, на вариантыныя записи нѣкоторыхъ пѣсенъ.

²⁾ „Историч. Вѣстникъ“ 1883 г., декабрь, 533—534.

слѣдующемъ спискѣ „разгульныхъ“ пѣсенъ. Несомнѣнно, ему были извѣстны и всевозможныя пѣсни другого рода.

- 1) Ходилъ Ваня по лужочку.
- 2) Я по жердочкѣ шла.
- 3) Ахъ, деревня отъ деревни.
- 4) Не летай, мой соловей.
- 5) Наша Дуня не точеть, не прядеть.
- 6) Во лѣску, во лѣску текла рѣчка по песку.
- 7) Дѣвушки вино курили.
- 8) Противъ солнца на востокѣ.
- 9) Я вечеръ, молода, во пиру была.
- 10) Какъ по улицѣ идетъ молодець.
- 11) Сѣяли дѣвушки ярый хмѣль.
- 12) Свѣти, свѣтель мѣсяць.
- 13) Борозда моя, бороздочка.
- 14) Въ воскресенье на рыночекъ ходила.
- 15) Сгорѣло мое сердечушко.
- 16) Ахъ ты, Грунюшка, Груняша, Груня ягода моя.
- 17) Я млада...
- 18) Разыгрался Юрьевъ конь.
- 19) Ужъ какъ люди въ людяхъ-то живутъ.
- 20) Всѣ домой, всѣ домой.
- 21) Во полѣ рябинушка стояла.
- 22) Сколько мнѣ браженьки ни пити.
- 23) Во лугахъ, во зеленыхъ лугахъ.
- 24) У воротъ дѣвка стояла съ молодцемъ.
- 25) При зарюшкѣ, при зарѣ.
- 26) Возлѣ Дону, возлѣ Дону.
- 27) Ужъ и чей это терѣмъ, побывалъ бы я въ немъ.
- 28) Мимо саду, мимо зелена садочку, дорожка лежала.
- 29) Зима моя, зима непогожая.
- 30) На что было городѣ городить.
- 31) Не путемъ Ваня гуляетъ, трехъ дѣвушекъ любить.
- 32) Бѣлая моя, чернобровая моя.
- 33) Бѣлильцы румяницы мои.
- 34) Журушка журавель.
- 35) Молодушка молода.
- 36) Воробушка воробей.
- 37) У нашего сосѣда.
- 38) Васильюшка рыбачекъ.
- 39) Ходить Васенька горой.
- 40) За рѣкой, рѣкой.
- 41) Не пора ли, не пора ли намъ домой.
- 42) У насъ по улицѣ, у насъ по широкой.
- 43) За рѣкою, за рѣкою солдатъ сѣно косить.
- 44) Какъ у вдовушки-вдовицы.
- 45) На улицѣ ромода.
- 46) Породила меня мати, недоноска.
- 47) Во городѣ городу.
- 48) По лугу я, дѣвица, гуляла.
- 49) Во лугахъ, лугахъ, лугахъ, во зеленыхъ лугахъ.
- 50) Пошелъ козелъ за лыками.
- 51) Туру туру пастушокъ.
- 52) При улицѣ, при широкой.
- 53) Чарочки по столику похаживаютъ.
- 54) Думай, моя головушка, да не продумайся.
- 55) Ты, Настя, Настюшка моя.
- 56) Авдотья вдовина.
- 57) На горѣ, горѣ.
- 58) Голосистой пѣтушекъ.
- 59) Калина, калина.
- 60) Какъ нонече куры.
- 61) Ахъ ты, матушка, голова болить.
- 62) Шелъ козелъ мостомъ.
- 63) Какъ во городѣ было во Казани.
- 64) Ягода моя, ягода виноградная.
- 65) Охъ ты ёжъ.
- 66) Пошла наша Дуня ленкомъ побираться.
- 67) Сидить птичка во садку.
- 68) За рѣкою диво.
- 69) Шла Анюта по воду.
- 70) Какъ по травѣ, какъ ходачь гуляетъ.
- 71) Полоса моя, полосынька.
- 72) Тараканъ дрова рубилъ.
- 73) Охъ ты зять мой, зятюшко.
- 74) Ахъ ты, Катенька, Катюша.
- 75) Какъ подъ яблонью.
- 76) Какъ кума-то ко кумѣ въ рѣшетѣ приплыла.
- 77) Смолоду младешенька гульлива я была.
- 78) Ахъ, гдѣ жена была, гдѣ сударыня была.
- 79) Во саду былъ орѣшникъ.
- 80) Возлѣ рѣки Москвы-рѣчки.

81) Таня по полю ходила, бѣлу пшѣнушку полола. 82) Какъ у нашихъ у воротъ. 83) Ахъ ты бражка, ты бражка, ты сыченая. 84) Сколько миѣ бражки ни пити. 85) Я вечеръ млада.

Пѣсню IV можно считать не простою записью, а либо передѣлкой народной пѣсни, либо даже оригинальнымъ произведеніемъ въ народномъ духѣ, возникшимъ, конечно, подъ вліяніемъ народныхъ поэтическихъ и бытовыхъ мотивовъ. По крайней мѣрѣ, первые десять стиховъ скорѣе принадлежатъ Пушкину, чѣмъ народу, и, быть можетъ, эта пѣсня изъ тѣхъ, о которыхъ великій поэтъ говорилъ великому знатоку: „Разберите-ка, которыя поетъ народъ, и которыя смастерилъ я самъ“. Сохранился въ бумагахъ Пушкина черновой набросокъ стихотворенія, начинающагося словами: „Уродился я, бѣдный недоносокъ“... ¹⁾ Въ имѣющей у насъ копіи этого наброска есть стихъ: „Недоноска меня бѣднаго женили“... Характерно, что, переводя съ сербскаго, для „Пѣсенъ западныхъ славянъ“, пѣсню „Соловей“, Пушкинъ или не понялъ сербскаго текста: „Ме није мајка оженила млада“ (то есть „мать не женила меня“...), или нарочно измѣнилъ жалобу добраго молодца:

Какъ ужъ первая забота,—

Рано молодца женили...

Этого русскаго „бытового явленія“, обычнаго въ тѣ времена, Пушкинъ не забылъ, описывая нравы обитателей села Горохина. „Мужчины женятся обыкновенно на тринадцатомъ году на дѣвицахъ двадцатилѣтнихъ. Жены были своихъ мужей въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ. Послѣ чего мужья начинали бить женъ; и такимъ образомъ, оба пола имѣли свое время власти, и равновѣсіе было соблюдено“.

До сихъ поръ у насъ было принято думать, что Пушкинъ интересовался народнымъ творчествомъ и записывалъ пѣсни только въ Михайловскомъ (1824—1826 г.г.). Кирѣевскій, которому онъ доставилъ свои записи безъ обозначенія, гдѣ онѣ собраны, думалъ, что „вѣроятно, онъ записалъ ихъ у себя въ деревнѣ въ Псковской губерніи“. Опубликованныя въ первомъ выпускѣ „новой серіи“ свадебныя пѣсни всѣ приурочены къ Псковской губерніи, даже къ Опочецкому уѣзду и именно къ Михайловскому, правда, не безъ осторожнаго вопросительнаго знака. Несомнѣнно, нѣкоторыя пѣсни были записаны Пушкинымъ дѣйствительно въ Михайловскомъ, но что касается до воспроизводимыхъ нами здѣсь, то ихъ можно съ полною увѣренностью датировать временемъ не раньше знаменитой

¹⁾ См. „Пушкинъ и его современники“, IV, 23.

„дѣтородной“ осени 1830 г. ¹⁾ и во всякомъ случаѣ тридцатыми годами. Это соображеніе, высказанное мною вскользь въ газетной статьѣ, подтверждается болѣе вѣскими и обстоятельными доводами знатока русской географіи и этнографіи, къ тому же лично знакомаго съ Среднимъ Поволжьемъ и какъ разъ съ тѣми мѣстами, гдѣ находится Болдино, Р. Д. Семенова-Тянъ-Шаньскаго, любезно сообщившаго мнѣ ихъ.

„Пушкину“—говоритъ Р. Д. Семеновъ-Тянъ Шаньскій—„принадлежало село Малое Болдино (рядомъ съ которымъ есть еще и Большое Болдино); это въ Лукояновскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи, вблизи границы Ардатовскаго уѣзда, Симбирской губерніи.

Болдино—село русское, но кругомъ немало мордовскихъ деревень и селъ. Мордва здѣсь въ общемъ довольно сильно обрусѣлая: православные, говорятъ по-русски, мало отличаются бытомъ, хотя между собой говорятъ по-мордовски, а мѣстами и до сей поры сохранили свои костюмы, которые надѣваютъ въ праздники. Русскіе все-же ихъ отличаютъ, присоединяя къ собственнымъ именамъ и фамиліямъ (производнымъ отъ собствен. именъ) прозвище „Мордвинъ“.

Немало въ этой мѣстности и татарскихъ селеній; какъ разъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ, по рѣчкѣ Пьяной въ Сергачскомъ уѣздѣ Нижегород. губ. и до самаго Васильсурска тянется сплошная полоса татарскихъ селеній. Татары сюда провикли должно быть въ XV вѣкѣ. Эта татарская окраина Нижегородской губерніи, болѣе сосредоточенная, чѣмъ мордовскія ея селенія, не чувствуя себя еще русскимъ краемъ, въ половинѣ XVII в. разыграла видную роль въ исторіи возстанія Стеньки Разина, но нынѣ ее можно считать порядочно обрусѣвшей, хотя татары не забыли своего языка и остаются мусульманами.

Въ предѣлахъ Лукояновскаго уѣзда въ 1670 г. происходили стычки передовыхъ отрядовъ правительственныхъ войскъ кн. Юрія Алексѣевича Долгорукова съ шайками Стеньки Разина ²⁾, увѣнчавшіяся успѣхомъ правительства. Все это показываетъ, что мѣстность эта въ свое время не представляла изъ себя такого уголка, какъ теперь, и вліяніе близкаго сосѣдства съ Волгой, съ главнымъ пристанищемъ „вольницы“—Самарской лукой и Жигулями, должно было сказываться и въ характерѣ быта, и въ пѣсняхъ.

¹⁾ Въ первый разъ Пушкинъ побывалъ въ Болдинѣ осенью 1829 г., но очень недолго („Труды и дни Пушкина“, изданіе 2-е, стр. 198; „Пушкинъ и его современники“, I, 86).

²⁾ Пушкинскія записи пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ относятся, судя по черновымъ тетрадамъ поэта, къ двадцатымъ годамъ. Н. Л.

Что пѣсня II записана не въ Псковской губерніи, а въ Болдинѣ, доказывается не только встрѣчающимся въ ней наименованіемъ „Болдинскаго плота“, но и упоминаніемъ „Мордвина съ волянкой“ (между прочимъ, и теперь среди мордовцевъ имѣются музыканты, приглашаемые играть въ торжественныхъ случаяхъ и къ русскимъ) и „татарина съ скрипкой“. Наконецъ, весь характеръ пѣсни болѣе подходитъ къ окраинной сторонѣ—къ Поволжью, чѣмъ къ исконному русскому псковскому гнѣзду.

Позволю себѣ высказать, что и I пѣсня записана Пушкинымъ въ Болдинѣ,—такъ какъ здѣсь упоминается о „ковылкѣ“,—т. е. ковыль, котораго въ Псковской губерніи не знаютъ; напротивъ, въ Лукояновскомъ уѣздѣ эта степная трава встрѣчается, и ея бѣлыя нитевидныя пряди во время цвѣтенія характерны, и сравненіе ихъ съ нитками очень тонко какъ поэтическій образъ.

Почти безъ всякаго сомнѣнія можно утверждать, что пѣсни IV и V—тоже Болдинскія или того времени, когда Пушкинъ ѣздилъ черезъ Волгу въ Оренбургскій край собирать матеріалы для „Исторія Пугачевского бунта“¹⁾. За то, что эти пѣсни относятся къ Болдинскому пребыванію Пушкина, говоритъ ихъ колоритъ, характерный для средняго Поволжья и Жигулей. Здѣсь упоминаются и сосна на высокомъ берегу, и то, что разочарованный молодецъ уходитъ къ поволжской вольницѣ, какъ извѣстно, имѣвшей свои притоны въ Жигуляхъ, слѣдовательно, не такъ далеко отъ юго-восточнаго угла Нижегородской губерніи“.

Пушкинъ старательно изучалъ русскую пѣсню, какъ научно образованный этнографъ, и, какъ поэтъ и вѣрный сынъ народа, онъ чувствовалъ ея элегическую тоску, ея буйный размахъ, ея умятый и добрый юморъ, ея горячія слезы. И, быть можетъ, незамѣтно для себя, сливаясь съ народнымъ моремъ, онъ самъ создавалъ тѣ образцы, которые трудно было отличить отъ „настоящихъ“ даже такому призванному судѣ, какъ Петръ Кирѣевскій. Послѣдній высоко цѣнилъ знанія Пушкина въ этой области и писалъ въ 1832 г. Н. М. Языкову, что Пушкинъ „намѣренъ какъ можно скорѣе издавать русскія пѣсни, которыхъ у него собрано довольно много“. Кирѣевскій собирался даже послать Пушкину копію съ своего собранія²⁾, очевидно отдавая ему даже преимущество, но Пушкинъ раздумалъ издавать народныя пѣсни, и Кирѣевскій съ усиленной

¹⁾ „Уральскихъ пѣсенъ, обѣщанныхъ передъ отъѣздомъ туда“,—писалъ П. В. Кирѣевскій Н. М. Языкову 17 января 1834 г.,—„онъ, кажется, ни одной не привезъ; по крайней мѣрѣ мнѣ не присылалъ“.

²⁾ „Историч. Вѣстникъ“ 1883, декабрь. 535—536.

энергіей самъ взялся за это дѣло; Пушкинъ тогда обѣщаль ему написать къ сборнику свое предисловіе ¹⁾).

Хотя нѣкоторыя приведенныя и названныя пѣсни извѣстны въ старыхъ пѣсенникахъ и преимущественно въ записяхъ многихъ собирателей, но со всѣми ими необходимо при изученіи Пушкина считаться, такъ какъ великій поэтъ ихъ записываль и пользовался ими какъ поэтическимъ матеріаломъ и образцами народнаго языка, а иногда передѣлываль ихъ и самъ творилъ въ ихъ духѣ. Если нельзя вполнѣ согласиться съ мнѣніемъ знаменитаго филолога Штейнталя, что ни одна народная пѣсня не можетъ быть записана съ совершенною точностью, и въ устахъ каждаго пѣвца она становится новою пѣснью, то по отношенію къ величайшему пѣвцу русскаго народа эти слова вѣрны. Каждый стихъ въ нихъ „авторизованъ“ Пушкинымъ. Много разсѣяно въ его поэзіи отраженій народнаго творчества. Вотъ, между прочимъ, одно изъ раннихъ, никому до сихъ поръ не отмѣченное. Восхитительный набросокъ (1821 г.) „Въ твою свѣтлицу“..., повидимому, навѣянъ популярной народной пѣсней ²⁾. И. А. Шляпкинъ ³⁾ указываетъ на весьма вѣроятную связь комическихъ стиховъ „Женись. На комъ?“... съ лубочной картинкой на тему „Разсужденіе холостого человѣка о женитьбѣ“.

II.

Хронологія пребывания Пушкина въ Крыму.

Въ засѣданіи Таврической ученой архивной комиссіи 26 мая 1911 г. А. И. Маркевичъ — цитируемъ далѣе дословно протоколъ засѣданія ⁴⁾ — „доложилъ, что въ архивѣ канцеляріи Таврическаго губернатора, въ дѣлѣ за 1820 г. № 16 „О сенатскихъ подорожныхъ бланкетахъ“ имѣется подорожная отъ Севастополя до Симферополя, выданная супругѣ генерала-отъ-кавалеріи Раевскаго, Софіи Алексѣевнѣ Раевской, 2 октября 1820 г. адмираломъ Грейгомъ, на 12 лошадей. На этой подорожной сбоку приписка: „Записка въ казначейство о выдачѣ подорожной до Кіева на 8 лошадей. № 3567.“

¹⁾ Ibid., 538.

²⁾ См. „Современникъ“ 1836 г., № 1, стр. 140 (Бар. Е. Ѳ. Розень, „Ориемъ“); „Великорусскія народныя пѣсни“, изд. А. И. Соболевскаго, т. VII, № 737.

³⁾ „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, стр. 22.

⁴⁾ „Извѣстія Таврической учен. архивн. комиссіи“, № 47, Симферополь, 1912 г. Протоколы, стр. 25.

5 октября 1820 г.“ Важность этого документа состоитъ въ томъ, что имъ опредѣляется время возвращенія изъ Крыма А. С. Пушкина, который, по словамъ Екатерины Николаевны Раевской, послѣ посѣщенія Бахчисарая ѣхалъ съ ними до Симферополя или, можетъ быть, до Перекопа. Очевидно, Пушкинъ былъ въ Симферополѣ 4—5 октября 1820 г. Къ пребыванію Раевскихъ, а съ ними и Пушкина, въ Крыму имѣетъ отношеніе и дѣло того же года за № 294 „О путешествіи разныхъ знатныхъ особъ по Таврической губерніи“. 17 августа, за № 2938, таврической губернаторъ Барановъ писалъ еодосійскому исправнику, чтобы онъ явился къ Его Высокопревосходительству генералу-отъ-кавалеріи Раевскому, и если онъ изъяснитъ желаніе отправиться на южный берегъ, распорядиться о безостановочномъ проѣздѣ и заготовленіи потребнаго числа лошадей, для чего командировать особаго чиновника, а буде г. Раевскій ранѣе отправится въ Симферополь, равномерно оказать всякое содѣйствіе. На это предписаніе и. д. еодосійскаго исправника засѣдатель Карпенковъ рапортовалъ губернатору изъ д. Азамать 20 августа: „по прибытіи Его Высокопревосходительства генерала Раевского въ Феодосію я находился въ уѣздѣ, и потому повелѣніе Вашего Превосходительства отъ 17 сего августа за № 2938, съ нарочнымъ мнѣ присланное, доставлено 19 числа, при чемъ получилъ вѣрное свѣдѣніе, что Его Высокопревосходительство изволилъ отправиться изъ Феодосіи на брандвахтѣ моремъ до Севастополя“.

Основанный на данныхъ подорожной выводъ г. Маркевича, что Пушкинъ былъ въ Симферополѣ 4—5 октября, опровергается различными извѣстіями и соображеніями. Близкій кишиневскій знакомый поэта И. П. Липранди ¹⁾ сообщаетъ точную дату его пріѣзда въ Кишиневъ — 21 сентября. На другой день Липранди видѣлъ Пушкина въ кишиневскомъ клубѣ, а 23 сентября обѣдалъ съ нимъ у генерала М. Ѳ. Орлова. 24 сентября Пушкинъ въ Кишиневѣ написалъ брату извѣстное письмо о своей поѣздкѣ на Кавказскія воды и въ Крымъ. Около 25 сентября Липранди видѣлъ Пушкина въ Кишиневѣ у Ѳ. Ѳ. Орлова и князя Г. М. Кантакузена ²⁾. 5 октября, какъ разъ въ тотъ день, къ которому г. Маркевичъ относитъ пребываніе поэта въ Симферополѣ, онъ написалъ стихотвореніе „Дочери Карагеоргія“, которое помѣтилъ Кишиневомъ. Е. Н. Орлова, рожд. Раевская, говорила Я. К. Гроту ³⁾, что послѣ

¹⁾ „Русс. Архивъ“ 1866 г., ст. 1263.

²⁾ Ibid., 1237.

³⁾ Я. К. Гротъ, „Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники“, изд. 2-ое, стр. 53.

посѣщенія Бахчисарая Пушкинъ доѣхалъ съ Раевскими „только до Симферополя или, можетъ быть, до Перекопа“. На Перекопъ она указывала не безъ колебанія; что Пушкинъ съ Раевскими не доѣхалъ до Перекопа, видно изъ письма губернатора Баранова, который, по сообщенію А. И. Тургенева ¹⁾, увѣдомилъ братьевъ Тургеневыхъ, „что Пушкинъ-поэтъ былъ у него съ Раевскимъ, и что онъ отправилъ его въ лихорадкѣ въ Бессарабію“. Ясно, что въ началѣ второй половины сентября Пушкинъ уѣхалъ одинъ прямо изъ Симферополя въ Кишиневъ, а Раевскіе остались еще на нѣкоторое время въ Крыму и покинули его, согласно показанію по дорожной, въ началѣ октября.

17 августа, въ тотъ день, когда губернаторъ послалъ еодосійскому исправнику помянутое предписаніе, Пушкина и Раевскихъ видѣли въ Феодосіи, у бывшаго еодосійскаго градоначальника С. М. Броневскаго ²⁾. Изъ отвѣта исправника губернатору слѣдуетъ заключить, что 17 или 18 августа путешественники уѣхали изъ Феодосіи, но не прямо въ Севастополь, а, какъ сообщаетъ Пушкинъ въ письмѣ къ брату, въ Гурзуфъ ³⁾. „Тамъ прожилъ я три недѣли“, писалъ Пушкинъ брату. Можно ли считать это категорическое опредѣленіе вполне, день въ день, точнымъ, — вопросъ, но вѣроятно около 10 сентября Пушкинъ оставилъ Гурзуфъ, затѣмъ — установить точныя хронологическія даты невозможно — „обѣхалъ полуденный берегъ“ ⁴⁾, посѣтилъ Кикинеизъ, Георгіевскій монастырь (вѣроятно, побывалъ въ Севастополѣ) и Бахчисарай. Приведемъ здѣсь интересныя хронологическія соображенія М. О. Гершензона ⁵⁾. Въ „Продолженіи путевыхъ записокъ“, изданномъ отдѣльною книгою въ 1830 г., Гераковъ „разсказываетъ о своихъ встрѣчахъ съ Раевскими въ Симферополѣ и Бахчисарай еще 19 и 20 сентября (стр. 24 и 29), когда Пушкина уже несомнѣнно не было въ Крыму... И. М. Муравьевъ-Апостолъ („Путешествіе по Тавридѣ въ 1820 г.“, стр. 47—48) разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ Раевскими въ Сабляхъ, у А. М. Бороздина (въ пятнадцати вер-

¹⁾ Письмо 3 ноября 1820 г. къ кн. П. А. Вяземскому („Остафьевс. Архивъ“, II, 99).

²⁾ Г. Гераковъ, „Путевыя записки по многимъ россійскимъ губерніямъ, 1820 г.“, Петроградъ, 1828, стр. 123.

³⁾ М. О. Гершензонъ („Сѣверная любовь Пушкина“ — „В. Европы“ 1908 г., январь, 280) съ приближительной точностью датируетъ этотъ переѣздъ 18 или 19 числомъ.

⁴⁾ Письмо къ Дельвигу 1824 г. (Переписка Пушкина, академическ. изд., I, 160).

⁵⁾ Названная статья, стр. 280—281.

стахъ отъ Симферополя). Муравьевъ выѣхалъ изъ Одессы въ Крымъ 11 сентября, раза два останавливался на сутки въ дорогѣ, и слѣдовательно не могъ пріѣхать въ Сабля раньше 18—20 сентября; а онъ прожилъ въ Сабляхъ четверо сутокъ и, уѣзжая, повидимому, еще оставилъ тамъ Раевскихъ. Что съ ними тогда уже не было Пушкина, видно изъ словъ самого Пушкина въ письмѣ къ Дельвигу 1824 года: „я былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и почти въ то же время, какъ и И. М. Очень жалѣю, что мы не встрѣтились“.

Въ самомъ дѣлѣ, чтобы пріѣхать въ Кишиневъ 21 сентября, Пушкинъ долженъ былъ выѣхать изъ Симферополя днями пятью или шестью раньше, т. е. 15—16 сентября. Посѣщеніе имъ Кикинеиза, Георгіевскаго монастыря, Бахчисарая и Симферополя мы можемъ датировать недѣлей 10—16 сентября. Сколько времени провелъ поэтъ въ Бахчисараѣ и Симферополѣ, опредѣлить невозможно. По словамъ П. И. Бартенева ¹⁾, изъ Гурзуфа генералъ Раевскій „вмѣстѣ съ сыномъ и Пушкинымъ поѣхалъ впередъ; семейство его осталось на время въ Гурзуфѣ и соединилось съ нимъ, кажется, въ Бахчисараѣ“.

Ш.

По поводу одного стиха въ „Онѣгинѣ“.

Описывая въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ (гл. 4, стр. XXVIII—XXIX) типичный альбомъ уѣздной барышни двадцатыхъ годовъ, Пушкинъ говоритъ между прочимъ:

На первомъ листикѣ встрѣчаешь
Qu'écrites vous sur ces tablettes;
 И подпись: t. à v. Annette;
 А на послѣднемъ прочитаешь:
 „Кто любитъ болѣе тебя,
 „Пусть ишетъ далѣе меня“.

Послѣдніе два стишка до сихъ поръ не исчезли изъ альбомовъ провинціальныхъ дѣвицъ, гдѣ они, обличая незатѣйливое остроуміе ухаживателя или подруги хозяйки альбома, ютятся въ нижнемъ уголку внутренней стороны второй доски переплета.

Что касается до французской записи: „*Qu'écrites vous sur ces tablettes*“, то и она Пушкинымъ не выдумана, какъ не выдуманы другія комическія черты альбомной живописи и словесности: „два

¹⁾ „Пушкинъ въ Южной Россіи“—„Русс. Архивъ“ 1866 г., ст. 1120.

сердца, факель и цвѣтки“ или „злодѣйскій стишокъ“ армейскаго стихотворца ¹⁾. Это — первый стихъ французской пьески, авторъ которой мнѣ неизвѣстенъ. Мнѣ довелось случайно наткнуться на нее при чтеніи одного подобнаго альбома пушкинской эпохи ²⁾, гдѣ она находится дѣйствительно, какъ и быть должно, „на первомъ листикѣ“. Привожу ее, благо она очень коротка.

Qu'écrirez vous sur ces tablettes?
 Quels secrets leur confiez vous?
 Ah! sans doute elles furent faites
 Pour les souvenirs les plus doux!
 En attendant qu'à cet usage
 Ce souvenir soit employé,
 Qu'il soit permis à l'amitié
 D'en remplir la première page.

IV.

Поправка къ тексту „Скупого рыцаря“.

Во всѣхъ изданіяхъ „Скупого рыцаря“, начиная съ появленія его въ первой книгѣ „Современника“ 1836 года и кончая послѣднимъ капитальнымъ изданіемъ сочиненій Пушкина (С. А. Венгерова), мы читаемъ (сцена I, слова Альбера о Жидѣ):

Его червонцы будутъ пахнуть ядомъ,
 Какъ сребренники пращура его.

Въ основу текста при переизданіи драмы слѣдуетъ, конечно, класть первое изданіе ея, напечатанное при жизни автора въ его журналѣ. Съ какого оригинала печаталась она въ „Современникѣ“, неизвѣстно. Рукопись существуетъ только одна, и хотя П. В. Анненковъ ³⁾ думалъ, что „печатный текстъ Современника совершенно сходенъ съ рукописью“, однако это не такъ, что констатируютъ цѣлымъ рядомъ сличеній Л. Бѣльскій въ послѣсловіи къ фототипическому изданію рукописи ⁴⁾ и П. В. Петровъ въ специальной статьѣ о текстѣ драмы ⁵⁾. Предположеніе г. Петрова, „что самъ Пушкинъ

¹⁾ См. мои примѣчанія къ Сочин. Пушкина, изд. С. А. Венгерова, т. V, стр. XIV, № 552.

²⁾ Изъ собранія Н. К. Снягина († 17 января с. г.). Возможностью познакомиться съ сныгинскимъ собраніемъ я обязанъ любезности секретаря покойнаго библіофила, В. М. Андерсона.

³⁾ Соч. Пушкина, изд. 1855 г., IV, 459—460.

⁴⁾ Изданіе А. де-Бюнкюръ, М., 1901 г.

⁵⁾ Замѣтка о текстѣ драмы Пушкина „Скупой рыцарь“ („Литерат. Вѣстникъ“ 1901 г., т. I, стр. 432—436).

корректурѣ не держалъ“, представляется въ значительной степени вѣроятнымъ по всему, что извѣстно объ изданіи имъ „Современника“. Конечно, мы должны принимать всѣ измѣненія, внесенныя поэтомъ въ печатную редакцію драмы, но въ одномъ случаѣ возникаетъ вопросъ: — можно ли считать результатомъ сознательнаго измѣненія печатную редакцію даннаго мѣста, или на нее слѣдуетъ смотрѣть какъ на ошибку либо описку? Вотъ какъ читаются въ рукописи цитированные выше два стиха:

Его червонцы пахнуть будутъ адомъ
Какъ сребрянники пращура его.

Ясно, что, хотя мы должны считаться съ разночтеніемъ печатной редакціи, окончательно исправленной поэтомъ, но здѣсь мы можемъ съ достаточнымъ основаніемъ усмотрѣть не поправку, а, напротивъ, ошибку. Въ самомъ дѣлѣ, — Иуда не отравилъ Иисуса, а предалъ его, и сказать, что полученные предателемъ сребренники пахли „ядомъ“, значило бы приписать Пушкину слишкомъ натянутый образъ. Иное дѣло — адъ, въ понятіи о которомъ объединяются и предатель, и отравитель; какъ бы ни были различны преступленія, мзда за нихъ дѣйствительно одинаково „пахнетъ адомъ“. Въ эсхатологической традиціи христіанства адъ неизмѣнно представляется смраднымъ, тогда какъ рекомендуемая Жидомъ капли Товія, безвкусныя и безцвѣтныя, конечно, лишены всякаго запаха; къ тому же, Альберъ и не соглашается на предложеніе Жида, у котораго хочетъ взять червонцы подъ долговую расписку, безъ всякаго побочнаго преступнаго обязательства. Пушкинъ не могъ сознательно испортить удачную редакцію, и несомнѣнно въ этомъ мѣстѣ мы имѣемъ дѣло либо съ случайной опиской (едва ли самого поэта, а, вѣрнѣе, переписчика), либо съ ошибкой корректора, не замѣтившаго проскользнувшей оечатки. Весьма характерно, что и г. Петровъ, приводя изъ рукописи занимающій насъ стихъ и сопоставляя его съ печатной редакціей (гдѣ вмѣсто „пахнуть будутъ“ сказано: „будутъ пахнуть“), не замѣтилъ очень четко написаннаго слова „адомъ“ и, слѣдуя привычному, принятому во всѣхъ изданіяхъ начертанію, напечаталъ: „ядомъ“. Недоразумѣніе рѣшается просто, и, конечно, послѣдующіе издатели должны будутъ въ данномъ случаѣ пользоваться указаніемъ подлинной рукописи, которымъ устраняется очевидная ошибка.

Н. Лернеръ.

